

ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В БССР (1956–1991)

В. А. ОСТРОГА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Дана характеристика влияния партийно-государственной политики на изучение истории Нового и Новейшего времени в БССР в 1956–1991 гг. Анализируется развитие исторической науки в специфических условиях общественно-политической системы Советского Союза. Отражен поступательный, но противоречивый процесс накопления исторических знаний в обстановке тотального контроля государства и правящей коммунистической партии. Отмечается, что либерализация политической атмосферы в СССР после XX съезда КПСС (1956 г.) в определенной мере ослабила давление на историческую науку со стороны государственных и партийных органов, в результате чего ученые стали свободны от догматических требований. При этом подчеркивается, что хотя данная тенденция содействовала прогрессу в исторической науке, ее выходу на новый уровень, однако принципиальных изменений в политике партии и государства в данной сфере не произошло и приоритет коммунистической идеологии сохранился. Сделан вывод о том, что только в конце 1980-х гг. во время проведения политики перестройки началась реальная демократизация общественно-политической жизни в СССР, в результате чего историки обрели фактически полную тематическую и методологическую свободу, у них появилась возможность работать в ранее недоступных архивах и сотрудничать с зарубежными коллегами, начался быстрый прирост научного знания, произошло значительное расширение тематики исследований.

Ключевые слова: научные исследования; историческая наука; история Нового и Новейшего времени; КПСС; коммунистическая идеология; демократизация; общественная жизнь.

THE PARTY-STATE POLICY IN THE FIELD OF THE STUDY OF THE MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY IN THE BSSR (1956–1991)

V. A. ASTROHA^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the characterization of the influence of party-state policy on the study of the modern and contemporary history in the BSSR in 1956–1991. Analyses the development of historical science in the specific conditions of public-political system of the Soviet Union. Demonstrates a progressive, but a contradictory process of accumulation of historical knowledge in an atmosphere of total control of the state and the ruling Communist Party. It is noted that the liberalization of the political climate in the Soviet Union after the 20th Congress of the CPSU (1956), to a certain extent eased pressure on historical science by Government and party organs, leaving scientists free from dogmatic claims. Stresses that these trends contributed to progress in historical science, allowed to proceed to a new scientific level, but fundamental changes in the policies of the party and the state in relation to science at this time did not happen and the priority of communist ideology has been preserved. As a conclusion it was noted that only in the late 1980s during perestroika began a real democratization of political life in the Soviet Union and historians have found virtually complete thematic and methodological freedom of scientific research, received the full right to work in the archives, collaborate with foreign colleagues, started rapid growth of scientific knowledge and the significant expansion of scientific topics.

Key words: scientific studies; historical science; modern and contemporary history; the CPSU; the communist ideology; democratization; social life.

Образец цитирования:

Острога В. А. Партийно-государственная политика в области изучения истории Нового и Новейшего времени в БССР (1956–1991) // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2016. № 2. С. 57–60.

For citation:

Astroha V. A. The party-state policy in the field of the study of the modern and contemporary history in the BSSR (1956–1991). *Vesnik BDU. Ser. 3, Gistoryja. Jekonomika. Prava*. 2016. No. 2. P. 57–60 (in Russ.).

Автор:

Виктор Александрович Острога – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой таможенного дела факультета международных отношений.

Author:

Viktar Astroha, PhD (history), docent; head of the department of customs, faculty of international relations.
ostroga.v@mail.ru

О влиянии общественно-политической ситуации на развитие науки сказано и написано много. По этой теме имеется основательная историография. Развитие исторической науки в специфических условиях общественно-политической системы Советского Союза демонстрирует поступательный, но противоречивый процесс накопления исторических знаний в обстановке тотального контроля государства и правящей коммунистической партии. Однако анализ влияния партийно-государственного фактора на развитие в БССР всеобщей истории, в частности истории Нового и Новейшего времени зарубежных стран, фактически не проводился, поэтому данная тема, несомненно, имеет научную новизну.

Важно отметить, что статус всеобщей истории как зарубежной, т. е. «чужой», часто предопределял особую судьбу этой отрасли знания. Российский историк А. Ю. Прокопов подчеркивал: «Близость к текущим событиям и изначальная “заданность” официальной властью главного вектора развития человеческого общества в XX в. – все это определяло тот факт, что история Новейшего времени, как ни одна другая область исторических знаний, была идеологизирована во времена СССР, подвергалась жесткому контролю со стороны государства» [1, с. 40]. С 1956 г. начался качественно новый этап развития советской историографии – период так называемой оттепели. Это время отхода от эпохи сталинского тоталитаризма к либеральным реформам Н. С. Хрущева. Но для данного этапа характерна и двойственность, процесс противодействия двух тенденций – демократической и консервативной.

Проявлениями либерализма стали реформы 1956 г. в области организации исторических исследований, расширение сети исторических журналов, создание всесоюзного общества историков и др. Однако прогрессивные изменения происходили преимущественно в городах Москве и Ленинграде, в союзных республиках, в том числе БССР, они осуществлялись медленнее. Но и в новой ситуации работа проходила под прежними лозунгами борьбы с буржуазной идеологией.

Объективно в СССР сложились разные условия для прогресса в области общественных наук. Так, если на Украине еще в 1957 г. был создан «Український історичний журнал», то в БССР лишь с 1970 г. в роли общереспубликанского исторического периодического издания выступил научно-популярный бюллетень «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі». Можно упомянуть также научный сборник «Вопросы истории», выходивший с 1974 по 1985 г. под эгидой Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького. Несомненно, издания отражали общий уровень исторической науки в республике.

После XX съезда КПСС (1956 г.) стало допустимо высказывание критичных мнений о советской исторической науке, но отношение власти к ней принципиально не изменилось. В 1962 г. на Всесоюзном совещании историков академик Б. Н. Пономарев отметил: «Нам пора поставить перед собой задачу – во всех областях исторического знания иметь ученых такого масштаба, которые задавали бы тон в мировой науке <...> это будет нашим лучшим вкладом в борьбу за коммунизм» [2, с. 13]. Подобные идеи в то время и позднее находили отклик в работе академических отделов и кафедр учреждений высшего образования. Например, заведующий кафедрой истории СССР и всеобщей истории Гомельского государственного университета З. Н. Сорока отмечал, что «историк должен нести идеи партии <...> в массы» [3, л. 101].

С середины 1960-х гг. наблюдается рост числа исследований в области истории Нового и Новейшего времени. Последующие годы характеризуются свертыванием либеральных реформ, движением по пути стагнации. Историческая наука находилась под постоянным идеологическим контролем, историки продолжали работать в рамках решений съездов КПСС. Так, академик М. В. Келдыш в 1971 г. отмечал: «Долг науки – на основе истории, философии, экономики способствовать решению актуальных вопросов общественного развития, распространению нашей марксистско-ленинской идеологии по всему земному шару» [4, с. 29–30]. Советская наука ощущала на себе мощнейшее государственно-партийное давление.

Характерным примером жесткого контроля за научными исследованиями может служить запрос Института истории Академии наук БССР в президиум академии, направленный в 1969 г. с просьбой «разрешить вывезти за границу (в ПНР¹) доклад старшего научного сотрудника института кандидата исторических наук В. С. Толстого под заглавием “Роль прогрессивных сил Польши в установлении добрососедских отношений ПНР с Белорусской ССР”. Доклад не содержит данных, нежелательных для опубликования за границей, и рекомендуется для представления на научную сессию по проблеме “Отношение ПНР к Советскому Союзу и другим социалистическим странам после Второй мировой войны”, которая состоится в ПНР 16–17 ноября сего года» [5, л. 105].

Как уже отмечалось, решения съездов КПСС служили для историков маяком в тематическом диапазоне исследований. Например, XXVI съезд КПСС (1981 г.) требовал «постановки и решения в научном плане таких проблем, которые оказывали бы непосредственное влияние на решение задач коммунистического строительства, воспитания советских людей, эффективно способствовали бы борьбе с нашими идеологическими противниками» [6, с. 3]. В рамках обсуждения задач исторической науки в свете решений июньского Пленума ЦК КПСС 1983 г. академик-секретарь Отделения истории Академии наук

¹ Польскую Народную Республику. – В. О.

СССР С. Л. Тихвинский заметил, что, «говоря о роли советской исторической науки <...> следует выделить прежде всего ее идеологическую, политико-воспитательную функцию. Исторические знания укрепляют убежденность советских людей в правоте нашего дела, развивают у них исторический оптимизм, воспитывают их в духе социалистического интернационализма, советского патриотизма, непримиримости к враждебной идеологии» [7, с. 18]. Свидетельством непосредственного воздействия государства и коммунистической партии на науку и высшее образование может стать выдержка из отчета о работе кафедры истории СССР, БССР и зарубежных стран Минского института культуры за 1980/81 учебный год, где подчеркивалось: «Вся работа кафедры <...> в отчетном году была направлена на реализацию решений XXVI съезда КПСС и XXIX съезда КПБ» [8, л. 28]. Подобная ситуация прослеживалась и на других исторических кафедрах учреждений высшего образования БССР. Однако не все советские историки сотрудничали с коммунистической партией. В связи с этим в 1984 г. в статье, посвященной взаимодействию исторической науки и партии, академик С. Л. Тихвинский требовал «активизировать научный поиск, поднять всю идеологическую работу на уровень тех требований, которые встают перед партией, советским народом в процессе совершенствования развития социализма» [9, с. 3].

Период 1970–80-х гг. принято называть застоем. Консерватизм политической системы отразился и на развитии науки. Как отмечалось в журнале «Вопросы истории» в 1988 г., «застойность в исторической науке проявилась также в нарочитой “актуализации” определенных сюжетов и тем, в схоластической политизации выводов, сползании к конъюнктурным конструкциям. В результате многие публиковавшиеся в то время работы не давали существенного приращения научных знаний, не содержали оригинальных идей и практических рекомендаций» [10, с. 5]. Застойные годы глубоко затронули и сферу организации и координации научных исследований. Так, в частности, всесоюзные конференции историков-славистов, проводившиеся с 1962 г. один раз в несколько лет, по сути, были единственной координационной формой в этой области.

Нужно признать, что работа партии по формированию «советского историка» принесла свои плоды, и согласиться с мнением Ю. Н. Афанасьева, который считал, что «за десятилетия <...> тотального воздействия партии на историческую науку <...> сформировался вполне определенный тип историка, научившегося воспринимать это руководство как нечто естественное и само собой разумеющееся» [11, с. 156–157]. Это замечали и западные ученые. Так, американский историк Д. М. Глентц писал, что «следует осознавать, что многие из этих советских книг, особенно краткие и популярные издания, созданы для того, чтобы воодушевлять читателей» [12, с. 43].

Новым этапом в развитии науки стал период 1985–1991 гг. Это было время реформирования и демократизации общественно-политической жизни, ослабления идеологического контроля со стороны государства, поиска новых методологий и расширения тематического поля исследований. Во второй половине 1980-х гг. в советской исторической науке начали происходить кардинальные изменения. Как отмечал советский историк академик Ю. А. Поляков, «в 1985–1986 гг. познание прошлого уже походило на кипящий котел <...> история стала болевой точкой общественного сознания» [13, с. 6]. Но это было время не только кризисного осмысления пройденного, а и творческого подъема, стремления к познанию. Как заметил в 1988 г. член редколлегии журналов «Вопросы истории» и «The Journal of Historical Sociology» (Оксфорд – Нью-Йорк) профессор В. П. Данилов, «в прошлом советской исторической науки было два этапа активного и успешного развития, подлинного подъема. <...> Я говорю о 1920-х гг. и деятельности после XX съезда КПСС. Это были две мощные волны прироста научного знания в области истории. В условиях перестройки возникает новая, третья волна прироста научного знания» [14, с. 21]. Конец 1980-х гг. стал временем перестройки, гласности и демократии. В этот период государственные и партийные структуры уже были не в состоянии контролировать идеологическое разнголосье. С каждым годом историки все более свободно расширяли круг научных проблем, ликвидируя многочисленные белые пятна. Вторая половина 1980-х гг. была временем беспрецедентного интереса общества к истории. В советских научных изданиях стали публиковаться статьи зарубежных ученых.

В этот период академик С. Л. Тихвинский в своих работах давал оценку историческим событиям уже с новых позиций: «Историю надо видеть такой, какой она есть...» [15, с. 3]. Ученый даже определил факторы, негативно повлиявшие на развитие исторической науки в прежние десятилетия:

- односторонность в трактовке многих событий;
- наличие элементов схоластической политизации в выводах и оценках, сползание к конъюнктурным конструкциям;
- упрощение прошлого, забвение марксистского требования видеть жизнь во всей ее сложности, из-за чего выводы историков не оказывали воздействия на общественную практику;
- распространение «фигуры умолчания» на целые этапы, события, отдельные личности;
- отсутствие необходимой широты во взглядах на явления и события прошлого, глубины классового

анализа, в результате чего исторические исследования не выявляли тенденций общественного развития, не способствовали предвидению иранской революции, ирано-иракского конфликта, событий вокруг Афганистана;

- пренебрежение к творческой разработке вопросов методологии, отсутствие плодотворных, творческих дискуссий как двигателя исторической науки [15, с. 4].

Среди советских историков начались искания. Некоторые призывали даже к отрицанию результатов прежней деятельности советской исторической науки. Так, заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова профессор И. С. Галкин заявил: «Нам надо откровенно признать, что за 70 лет советская историческая наука не обогатилась фундаментальными историческими произведениями. У нас нет советских Соловьевых, Ковалевских, Ключевских. В советской историографии мы находим пухлые описи “о развитии социализме”, о расцвете сельского хозяйства, о победоносном шествии международного рабочего и коммунистического движения. <...> Эти “труды” представляют собой нечто бесхребетное, беспомощное, но тематически удобное, громко звучащее...» [16, с. 192]. Другие историки видели в сложившейся ситуации признак кризиса в науке, «обвал взглядов и убеждений». Безусловно, в советской историографии, развивавшейся в трудных условиях всестороннего прессинга, имелось значительное количество малоценных в научном плане работ. Но при всем уважении к личности И. С. Галкина нельзя согласиться с тем, что тысячи советских историков в течение семи десятков лет абсолютно ничего заслуживающего внимания сделать не смогли.

После провозглашения в 1991 г. независимости Беларуси наступил принципиально новый период в белорусской исторической науке. Ликвидация идеологического диктата, принципов классового подхода и партийности, отмена ограничений в пользовании архивными документами, возможность широких контактов с зарубежными исследователями оказали на нее живительное влияние. Более того, появилась возможность сформировать собственный взгляд на развитие всеобщей истории, места и роли в ней белорусского народа, расширять тематику исследований исходя из национальных интересов, перспективы институционального формирования исторической науки. В прежние годы об этом не могло быть и речи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. Прокопов А. Ю. Некоторые особенности работы советских исследователей с «советскими источниками» по новейшей истории // Историк и общество: научная лаборатория исследователя : сб. ст. / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук ; отв. ред. М. П. Айзенштат. М., 2009. С. 40–58 [Prokopov A. Y. Some features of the works of Soviet researchers with the «Soviet sources» in recent history. *Istoriik i obshchestvo: nauchnaya laboratoriya issledovatelya* : sb. statei. Inst. vseobshchei istorii Ross. akad. nauk ; ed. by M. P. Aizenshtat. Moscow, 2009. P. 40–58 (in Russ.)].
2. Всесоюзное совещание историков // Новая и новейшая история. 1963. № 2. С. 4–43 [Vsesoyuznoe soveshchanie istorikov. *Novaya i noveishaya istoriya*. 1963. No. 2. P. 4–43 (in Russ.)].
3. Арх. УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины». Ф. 29. Оп. 1. Д. 931.
4. Келдыш М. Горизонты советской науки // Коммунист. 1971. № 4. С. 29–30 [Keldysh M. Gorizonty sovetskoi nauki. *Kommunist*. 1971. No. 4. P. 29–30 (in Russ.)].
5. Центр. науч. арх. Нац. акад. наук Беларуси. Ф. 3. Оп. 1. Д. 622.
6. Основные направления исторических исследований в XI пятилетке в свете решений XXVI съезда КПСС // Вопр. истории. 1981. № 10. С. 3–11 [Osnovnye napravleniya istoricheskikh issledovaniy v XI pyatiletke v svete reshenii XXVI s'ezda KPSS. *Voпр. istorii*. 1981. No. 10. P. 3–11 (in Russ.)].
7. Обсуждение задач исторической науки в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС // Вопр. истории. 1983. № 9. С. 18–25 [Obsuzhdenie zadach istoricheskoi nauki v svete reshenii iyun'skogo (1983 g.) Plenuma TsK KPSS. *Voпр. istorii*. 1983. No. 9. P. 18–25 (in Russ.)].
8. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 553. Оп. 1. Д. 332.
9. Тихвинский С. Л. О задачах исторической науки по реализации решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС // Вопр. истории. 1984. № 1. С. 3–19 [Tikhvinskii S. L. O zadachakh istoricheskoi nauki po realizatsii reshenii iyun'skogo (1983 g.) Plenuma TsK KPSS. *Voпр. istorii*. 1984. No. 1. P. 3–19 (in Russ.)].
10. Перестройка и задачи журнала «Вопросы истории» // Вопр. истории. 1988. № 2. С. 3–10 [Perestroika i zadachi zhurnala «Voprosy istorii». *Voпр. istorii*. 1988. No. 2. P. 3–10 (in Russ.)].
11. Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Отеч. история. 1996. № 5. С. 146–168 [Afanas'ev Y. N. Fenomen sovetskoi istoriografii. *Otechestv. istoriya*. 1996. No. 5. P. 146–168 (in Russ.)].
12. Глентц Д. М. Представления американцев об операциях на Восточном фронте в годы Второй мировой войны // Вопр. истории. 1987. № 8. С. 28–48 [Glentts D. M. Predstavleniya amerikantsev ob operatsiyakh na Vostochnom fronte v gody Vtoroi mirovoi voiny. *Voпр. istorii*. 1987. No. 8. P. 28–48 (in Russ.)].
13. Поляков Ю. А. Историческая наука в переходный период // Осмысление истории / О. А. Вестад [и др.] ; под общ. ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1996. С. 6–7.
14. Историческая наука в условиях перестройки // Вопр. истории. 1988. № 3. С. 3–57 [Istoricheskaya nauka v usloviyakh perestroika. *Voпр. istorii*. 1988. No. 3. P. 3–57 (in Russ.)].
15. Тихвинский С. Л. Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС и историческая наука // Вопр. истории. 1987. № 6. С. 3–13 [Tikhvinskii S. L. Yanvarskii (1987 g.) Plenum TsK KPSS i istoricheskaya nauka. *Voпр. istorii*. 1987. No. 6. P. 3–13 (in Russ.)].
16. Галкин И. С. К вузовским историкам // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 192–196 [Galkin I. S. K vuzovskim istorikam. *Novaya i noveishaya istoriya*. 1990. No. 6. P. 192–196 (in Russ.)].

Статья поступила в редакцию 23.02.2016.
Received by editorial board 23.02.2016.